

Сборник рассказов

Цена выбора

Обыкновенные
чужие

Книга 1

Павел Крапчинов

Цена выбора. Сборники фантастических рассказов

Павел Крапчитов

**Цена выбора. Обыкновенные
чудеса. Книга 1**

«Автор»

2026

Крапчитов П. А.

Цена выбора. Обыкновенные чудеса. Книга 1 / П. А. Крапчитов — «Автор», 2026 — (Цена выбора. Сборники фантастических рассказов)

Продать воспоминания, чтобы начать жизнь заново? Найти дверь в параллельный мир на заброшенной стройке? Влюбиться в искусственный интеллект? Герои этих рассказов получают второй шанс. Они делают шаг в неизвестность и платят свою цену — чтобы обрести больше, чем теряют. Вопрос лишь в том, готовы ли вы заплатить свою. Сборник из пяти историй о тех, кто стоит на границе между мирами, временами и состояниями и все же решается на шаг.

Содержание

Предисловие	5
Раздел 1. Границы	6
Детские игры	7
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Павел Крапчиков

Цена выбора. Обыкновенные чудеса. Книга 1

Предисловие

Вы держите в руках первую книгу из пяти. Ее герои не избранные и не супергерои. Это обычные люди, которые в какой-то момент оказываются на развилке. Куда пойти: налево или направо? Сказать правду или солгать? Помнить или забыть?

Это сборник о тех, кому выпал шанс. О шаге в неизвестность и неожиданном выходе. Я не знаю, согласились бы вы с решениями героев. Но знаю одно: выбор, который мы делаем, — это не точка. Это линия, которая тянется дальше.

Добро пожаловать.

Раздел 1. Границы

Рассказы о тех, кто стоит на границе — между мирами, временами, состояниями. О выборе, который нельзя отменить. И о тех, кто все же делает этот шаг, чтобы найти себя или потерять все.

Детские игры

Сцена 1

— Нет. Мне это неинтересно, — сказал я.

— Но почему? Ты же этим столько занимался. Все эти тарелочки, «зеленые человечки».

— Неинтересно, — я еле сдерживался, но голос оставался ровным, и Тайка ничего не заметила.

— Но почему? Что тебе стоит? — моя бывшая одноклассница была, как всегда, настойчивой. Не было в школе случая, чтобы это не срабатывало, чтобы кто-то ей не уступил. Вот только мы уже давно были не в школе.

— А ты могла бы меня научить драться? — выдал я то, чего Тайка явно не ожидала.

— Ты? Драться? Зачем?

— Как же так? — съязвил я. — Ты же этим столько занималась?

Тайка была инструктором по карате, тхэквондо и прочим восточным единоборствам в модном сетевом фитнесе. Представить, как я, высокий и тощий, в непафосном прикиде из «Декатлона» махаю ногами под ее руководством, было нереально.

— Придурок! — сказала Тайка и исчезла из моего смартфона.

Тайка некоторое время бездумно двигала по экрану смартфона иконки.

— Попрощаемся? — спросил ее стоящий у дверей мужчина. Рядом с ним стоял большой чемодан на колесиках.

— С чего бы? — огрызнулась девушка.

— Ну как? — не обиделся мужчина. — Все-таки прожили вместе два года.

— Проваливай, — не повелась Тайка.

Она понимала: немного слабины — и она расплчется.

— Удачи, — сказал мужчина.

Щелкнул дверной замок.

Тайка сделала пятьдесят ударов цуки, а потом двадцать ударов мае-гери. Настроения это особо не улучшило, но угроза расплакаться отступила.

Сцена 2

Тайка оторвала меня от созерцания цифры 3246. Именно столько было подписчиков у моей страницы «Паранормальные явления. Путешествия и расследования» в ВК. Еще минус двадцать человек. А когда-то эта цифра была больше десяти тысяч и каждый день росла.

Появилась иконка мессенджера. «Когда будет новое расследование?» — спрашивал подписчик с длинным ником NonameNobrain.

«Новое расследование ведется. Скоро размещу», — ответил я.

Этот словесный пинг-понг между настойчивым и непонятно откуда взявшимся «безмозглым» подписчиком продолжался уже дней десять. Получив первый раз от него вопрос, я был максимально вежлив и даже подумал, что, может быть, действительно стоит что-нибудь расследовать. Но эта мысль, как пришла в голову, так и ушла. А вопрос все в том же виде, от того же «безмозглого» подписчика приходил каждый день. Мои ответы становились все короче. В один из дней я уже собирался его грубо послать, но сдержался. Ведь я и так его посылаю. Если вам в течение десяти дней отвечают «расследование ведется, скоро размещу» — это означает, что

нет никакого расследования и никогда не будет. Если у этого NonameNobrain действительно нет мозгов, чтобы это понять, то это его проблемы.

Я закрыл ВК и выключил компьютер. Утренний ритуал был закончен.

Сцена 3

Я прошел в ванную, постоял перед зеркалом, рассматривая глаз. Пока не особо заметно, хотя под глазом уже начал появляться отек и синева.

«Не заметит», — подумал я и подошел к маминой комнате.

Дверь, как всегда, была открыта. Мама сидела в кресле перед телевизором и смотрела новости. Когда-то они меня сильно бесили. Но я разделался с ними с помощью прогресса. Купил новый телевизор и беспроводные наушники. Труднее всего было убедить маму, что так слушать новости гораздо удобнее и приятнее.

Я достал из старого серванта упаковку со шприцом и помахал ею в воздухе. Мама правильно поняла мой жест, выключила телевизор и освободилась от наушников.

— Я понимаю, что тебе это неинтересно, но... — она сделала попытку приобщить меня к новостному фону.

— Мам, не надо, — помотал я головой, и она смирилась.

Я протер спиртовой салфеткой икроножную мышцу и сделал укол. Надо было бы делать его в коленный сустав, но я этого не умел. Мышц на ноге у мамы оставалось мало, и в момент укола она вздрогнула.

Уколы были дорогими и, как мне казалось, бесполезными. Но после каждого укола мама говорила, что ей стало легче ходить.

— Сегодня было совсем не больно, — сказала она, когда я прижал салфетку к месту укола и выдернул иглу. — Тебе надо было стать врачом.

Я улыбнулся.

— Но зато ты стал финансистом, — продолжила мама.

Она всю жизнь пользовалась сеансами уколов, чтобы пообщаться с сыном.

— Мам, я — не финансист, — возразил я. — Я тебе уже объяснял.

— А кто? Ты же работаешь в этой... — она не смогла подобрать слово. — Как называется твоя компания?

— Инвестиционная.

— Тогда, значит, ты инвестор?

— Нет, мам, — улыбнулся я.

Такая, наверное, у меня судьба: изо дня в день отвечать на одни и те же вопросы.

— Инвестор — это тот, кто покупает акции на свои деньги.

«А я на свои деньги покупаю уколы», — добавил я про себя.

— А как же называется то, чем ты занимаешься?

— Я просто общаюсь с клиентами.

— Но это важно? — не успокаивалась мама. — Они не могут без тебя обойтись?

— Нет, не могут, — ответил я, хотя сам в этом не был уверен.

Но мой ответ маму удовлетворил.

— А что у тебя под глазом? — она все-таки заметила изменения на моей физиономии.

— На утренней пробежке в лесу на сучок напоролся, — соврал я.

— Степушка, осторожнее надо, — заволновалась мама. — Приложи бодяги.

— Хорошо, мам, — надо было заканчивать наш утренний митинг. — Я так и сделаю.

— На обед будет борщ, — услышал я вслед.

После укола мама всегда старалась быть бодрой, активной и полезной.

Сцена 4

С глазом действительно надо было что-то делать, ведь завтра на работу.

Я покопался на кухне в специальном отделении, превращенном в аптечку, нашел пакетик бодяги, развел его содержимое в густую кашицу, которую положил под глаз. Держать руками лепешку из расползающейся травы было невозможно, поэтому я лег на диван в своей комнате. Редкие капли стекали по моей щеке. Я их промокал предусмотрительно взятыми бумажными салфетками.

«Как же ты докатился до такой жизни, Степушка?» — возник в голове вопрос.

Я усмехнулся. Именно такой вопрос задал я себе, когда утром в зеркальной дверце шкафа-купе увидел свое отражение. Высокий и тощий. Неизвестно откуда появившийся энтузиазм выгнал меня на улицу в близлежащий парк. По его аллеям я бегал около часа.

Все было хорошо и даже приятно. Я стоял, держась одной рукой за дерево, а другой — за ступню, растягивая мышцу бедра. Такую картинку я видел в одном фитнес-журнале и решил ее воспроизвести. Мимо меня проходили два молодых парня, вполне приятных на вид. Один из них спросил меня, сколько времени. Я уже собирался достать из кармана смартфон, как спросивший время парень коротко, без замаха ударил мне в глаз. От испуга, а не благодаря какому-то навыку, я успел отшатнуться в сторону, и удар пришелся больше в скулу, чем в глаз. Но у всего есть обратная сторона. Отшатнувшись, я почти упал. Устоять на ногах помогло дерево, за которое я все еще держался.

— Зачет! — сказал один из парней.

Они хохотнули, хлопнули друг друга по ладоням, а потом, как ни в чем не бывало, продолжили свой путь.

«Как? Почему? За что?» — закрутились в моей голове глупые и бесполезные мысли.

Сейчас я лежал на диване, а мысли были те же. Что это было? Как такое возможно? Без причины подойти и дать в глаз! И еще при этом смеяться и радоваться.

Хотя я знал, что причина была — мое лицо. Оно всегда, в любом возрасте выглядело очень безобидным. Словно само просило: подойди, ударь, и тебе за это ничего не будет. Мама называла мое лицо открытым и обаятельным, но я знал, и сегодняшний случай в парке тому подтверждение, что оно было именно безобидным. И я ничего не мог с этим сделать. Можно было бы нахмурить брови или оскалить зубы, но тогда мое лицо стало бы вдобавок еще и смешным. Это было еще хуже.

Эту безобидность невозможно было изжить. Но можно было добавить к ней какие-то другие черты, другие качества, которые смогли бы несколько оттенить мой недостаток. Возможно, поэтому со школьных времен я стал заниматься тем, что тогда притягивало и интересовало всех, — необычными явлениями или, проще говоря, НЛО. Немалую роль в моем увлечении сыграл фильм «Секретные материалы». Я представлял, что со временем стану таким же, как Фокс Малдер, а рядом со мной будет такая же Скалли, которая в моих мечтаниях часто приобретала черты Тайки.

Это увлечение меня захватило. Если в школе я просто мечтал, то, став студентом, начал действовать. Я жил двумя жизнями. В одной я изучал термех, сопромат и прочие начертательные геометрии. Сдавал зачеты. Ходил на экзамены. А в другой — я ждал каникул, когда уйду в поход в очередную аномальную зону. У меня появились единомышленники, а интернет расширил аудиторию, с которой я делился как планами, так и сделанными открытиями.

В те годы я и мои друзья посетили, наверное, все известные своими необычностью места в России. Мы побывали в пермской Молебке, на зеленом острове на Дону, на Медведицкой гряде, что на границе Саратовской и Волгоградской областей, и еще много где. Было трудно, но весело. Бытовые сложности по пути к аномальной зоне и в ней самой воспринимались как чье-

то сопротивление нашему желанию узнать истину. Словно кто-то могущественный разбрасывал перед нами мелкие преграды и неудобства. Так в средние века разбрасывали «чеснок» — мелкие железные шипы — перед атакующей конницей. Они впивались в копыта боевых коней, те падали, и атака останавливалась. Такое внимание высших сил к нашим персонам возвеличивало и нас. Если кто-то большой и сильный пытается нам помешать, то значит, и мы не просто мошки, которых не замечают, а ого-го...

А еще в одном из таких путешествий я потерял невинность, после чего походы для меня заиграли новыми красками. В путешествиях я и мои друзья видели много необычного, о чем раньше только читали. Непонятное и необъяснимое проходило у нас перед глазами. Это обостряло наши чувства. Казалось, жизнь ускорялась, а ее краски становились сочнее. Может быть, поэтому и секс в походах был таким доступным, искренним, почти ослепительным.

Только недалекий человек, заметив на небе некое свечение, начинает сразу кричать: «НЛО, НЛО!» Меня это всегда сильно раздражало. Мне казалось, что бездумное объединение всех необычных явлений под вывеской НЛО делает их просто кучей какого-то барахла, от которого хочется держаться подальше. Так я стал сторонником бритвы Оккама. По этому поводу в наших походах у нас не раз разгорались споры за костром. Однажды на Алтае мы стали свидетелями яркого свечения в ночном небе. От него отделился четко видимый диск, постоял несколько секунд на месте, а потом резко двинулся прочь и вскоре исчез.

— Это точно НЛО! Это точно НЛО! — приговаривал, шелкая затвором фотоаппарата, мой товарищ Вадик.

— Или не НЛО, — возразил я. — Почему бы не рассмотреть сначала самые простые объяснения?

— А! — отмахнулся от меня Вадик. — Ты, как всегда...

— На мой взгляд, — продолжил он, рассматривая свой фотоаппарат, словно видел не его, а только что сделанные снимки, — НЛО и есть самое простое объяснение.

«Ну да, ну да, — подумал тогда я. — Для ленивых и глупых».

Наши споры побудили меня самому искать более простые объяснения наблюдаемым явлениям. Ленивым я не был, а физика и сопровождающая ее математика становятся увлекательным занятием, если понятна цель. А еще потом можно блеснуть новыми знаниями за костром, ловя восторженные взгляды присутствующих девушек.

Вскоре я уже хорошо разбирался в физике таких явлений, как молнии, северное сияние, зарницы, и даже написал статью «Необычные явления в небе России». Статью я отослал в научный журнал, который издавался институтом «Микроатмосферных явлений».

Статья, публикация в журнале были задуманы мной не просто так. Я хотел сделать целью своей жизни изучение НЛО. По слухам, у нас в России именно институт «Микроатмосферных явлений» занимался этой темой.

Мне почти все удалось. Моя статья привлекла внимание. Высшее образование, пусть и инженерно-техническое, к тому моменту у меня уже было, и я вскоре начал работать младшим научным сотрудником в этом институте. «Почти» — потому что все оказалось, как в сказке. Дуб — на острове, на дубе — ларец. В ларце — утка. В утке — яйцо. В яйце — игла. А вот до иглы не дотянуться.

Дело в том, что большая часть подразделений института, где я стал работать, были просто прикрытием. Там занимались совершенно открытыми научными темами. Нужная мне лаборатория скрывалась в недрах института, и хода туда мне не было. Но сотрудники лаборатории питались в общей институтской столовой. Это позволило мне свести с ними дружбу. Я использовал для этого все свое обаяние. Было много выпито пива и других напитков. Мы вместе пели песни под гитару, но... Про свою работу все эти люди молчали. Тогда выдержка мне изменила. Я пошел ва-банк. Я написал заявление на имя директора института с просьбой перевести меня на работу в эту секретную лабораторию.

— Понимаете..., — сказал сидящий за столом напротив меня крепкий пожилой мужчина с лысой головой и небольшой бородкой.

Так начался мой разговор с директором института примерно через неделю после отправки моего заявления на перевод в нужную мне лабораторию.

— Вы подающий надежды молодой ученый, — сказал он. — Я перечитал вашу статью. Читается как увлекательная беллетристика и одновременно содержит серьезные научные объяснения. Это редкое сочетание. Так что я вас поздравляю.

— Спасибо, — сказал я.

— Вы, скорее всего, — продолжил петь мне дифирамбы директор, — принесли бы пользу нашей лаборатории А-3623. Кстати, мы ее называем «Око». Но...

Я замер.

— Но дело в том, что у нас есть принцип, — виновато улыбнулся мой собеседник. — Мы не берем в «Око» тех, кто сам туда просится.

— Как в КГБ?

— Круче, — усмехнулся директор. — КГБ стоит на страже только нашей страны. Мы же защищаем всю Землю.

Из кабинета директора я вышел другим человеком. То, к чему я стремился все эти годы, рухнуло. Кроме того, я не справился с простой задачей — попасть на работу в нужную лабораторию. Будут ли мне по зубам более трудные вещи? Смогу ли достичь чего-то достойного на ниве изучения необычных явлений?

На фоне мыслей о своей никчемности добавилось понимание, что тема НЛО мне уже особо и неинтересна. Почему так произошло, я не знаю. Может быть, из-за обиды на то, что меня, такого умного и опытного, отвергли. А может быть, просто все когда-нибудь приедается, теряет свою новизну и привлекательность.

Бодяга под глазом высохла. Я поднялся с дивана, дошел до ванной и с минуту разглядывал растущие синяк и припухлость. Потом развел еще порцию бодяги, наклеил ее под глаз, запасся бумажными салфетками и снова лег на диван.

«Мне это неинтересно», — ответил я сегодня утром Тайке на ее предложение. Так и было на самом деле.

«Вот почему так происходит? Интересно, интересно, а потом раз... и уже наплевать».

Об этом я и спросил отца в одно из последних посещений хосписа, где он лежал. Надежды на излечение не было. Каждое посещение могло быть последним. Тем для разговоров почти не осталось.

— Пап, — спросил я, радуясь появившемуся вопросу. — А почему ты стал заниматься космосом?

— Почему? — говорил отец медленно, с паузами. — Тогда казалось, что мы... движемся вперед.

Он замолчал, а потом на его лице появилась улыбка.

— Знаешь, бывало... идешь на работу, и кажется, что все... вокруг... стоят на месте, а ты один двигаешься.

Он сделал более длинную паузу, но я терпеливо ждал.

— Каждый день... мы ждали чего-то нового... и сами его создавали... наверное.

Снова пауза. На этот раз еще более продолжительная.

— А потом, пап? — не выдержал я.

— А потом... оказалось... что бегаем по кругу...

Вскоре отца не стало.

Мысли в голове с воспоминаний об отце снова перескочили на звонок Тайки. Она словно сговорилась с моим «безмозглым» подписчиком, который каждый день спрашивал, когда будет новое расследование. Тайка тоже хотела расследования. Ей хотелось разворошить одну старую

историю и найти истину. В этой истории и она, и я много лет назад принимали самое активное участие.

«Вот, пожалуйста, — ожил мой внутренний голос. — Бери, расследуй, пиши посты в своем блоге, набирай подписчиков».

Сказав, что мне разбираться в той истории неинтересно, я обманул Тайку. Мне было не просто неинтересно. Та история пугала меня, отталкивала, грозила пальцем: «Не подходи! Будет больно!». И я понимал, почему было так. Все эти допросы, слезы и крики родителей Митьки слились за прошедшие годы после этого несчастья в одну страшную, непривлекательную и, к счастью, забытую картинку. Звонок Тайки осветил ее, как вспышка фотоаппарата. Все произошедшее тогда снова всплыло в моей голове, и я уже был не в силах затолкать его обратно в глубины сознания, чтобы не думать, не знать, забыть.

Сцена 5

Мы тогда пошли искать приключения в здание недостроенного «Эвереста». Я и сейчас могу встать с дивана, посмотреть в окно и увидеть точно такую же картину, какой она была почти двадцать лет назад. Отлитые железобетонные стены, взмывающие ввысь, вычурная крыша и все такие же пустые окна-глазницы, закрытые толстой полиэтиленовой пленкой. Ничего не изменилось. Кроме нас самих.

«Это будет жилой комплекс европейского класса», — вспомнился текст рекламной листовки. Его начали строить в конце девяностых, в хорошем месте старой части города. Набрали дольщиков, кредитов Сбербанк. А потом что-то пошло не так, и дальше стен строительство комплекса не двинулось. Через некоторое время исчезли высотные краны, и стало понятно, что стройка окончательно остановилась. Были митинги обманутых дольщиков, суды, попытки городской администрации продать объект кому-то другому, но все безрезультатно. Видимо, схема владения была закручена так сильно, долги были такими большими, а потенциальная выгода столь мизерна, что новых желающих достроить «Эверест» так и не нашлось. Получился настоящий чемодан без ручки: держать неудобно, выбросить жалко.

К моменту происшествия дом стоял уже бесхозным лет пять-шесть. У входа — небольшая будка для сторожа, да деревянный забор вокруг, оставшийся еще со времен стройки. Но кому надо знали про место в заборе, где можно было отодвинуть несколько досок и пробраться на стройплощадку, а потом и в само здание.

Наша дружная четверка: я, Тайка, Митька и Колька Холодов, которого чаще звали Ворчун, — шли после школы домой и болтали о всяком разном. Наш путь пролегал мимо недостроенного «Эвереста».

— Говорят, там уже привидения завелись, — сказала Тайка, кивая на здание.

— Брехня, — возразил Ворчун.

— Природа не терпит пустоты, — возразил я. — Может, кто-то и завелся.

Когда тебе двенадцать лет, все крылатые фразы кажутся аксиомами.

— Можно проверить, — сказал Митька.

Он был самый рассудительный из нас. И сказал это не для того, чтобы кого-то поддеть, испугать или порисоваться. В его фразе не было ничего, кроме заложенного в нее русским языком банального смысла: сходить и проверить.

— Ага, — сказал Ворчун. — А еще туда старшеклассники ходят.

Скорее всего, он имел в виду, что можно получить по шапке. Но все остальные подумали про другое. У меня, например, в голове тут же нарисовалась такая картинка: знакомая мне парочка из десятого «Б», переносной магнитофон «Хитачи», играющий тихую музыку, а парень сильно прижимает свое лицо к лицу подружки.

— А давайте и правда туда ходим, — сказала Тайка, покраснела и бросилась в объяснения: — Может, действительно привидения увидим.

«Зачем нас туда понесло?» — подумал я.

Лежачее положение и мягкий диван способствовали тому, что мои детские воспоминания казались сном. Я словно спал, видел сон и сам принимал в нем активное участие.

«Зачем мы туда все же полезли?» — мысль не уходила и требовала ответа.

Лично мне хотелось побыть рядом с Тайкой не в школьной обстановке. На свидание это, конечно, не тянуло. Мешало присутствие Митьки и Ворчуна. Но путешествие в сумерках по заброшенному зданию могло компенсировать этот недостаток. Оказаться с Тайкой в одной из комнат недостроя, коснуться руки девушки, увидеть ее благосклонный взгляд и...

Дальше я обрывал свои мечтания. Но этого было мне достаточно, чтобы поддержать идею Митьки и отправиться путешествовать по этажам недостроенного «Эвереста». Что будет потом, после моего касания руки девушки, ее ответного взгляда, было слишком волнительно, чтобы воспроизводить это в мечтах. Пусть все случится на самом деле!

В «экспедицию» я оделся по-парадному. Новые джинсы, цветастую рубашку и джинсовую куртку. Было начало весны. Вечера были еще холодными, но об этом я не думал. Дома сказал, что иду с друзьями в кино.

Как ни странно, но мои друзья тоже приоделись. Явно у всех было что-то на уме. И вот что странно: потом на допросах никто не смог точно описать, как был одет Митька.

На стройке было все, как всегда: тишина, будка сторожа у входа, а над ней прожектор, освещающий ворота и подъезд к ним. Мы зашли с другой стороны. Отодвинули нужные доски в заборе и пробрались в главное здание «Эвереста».

Лестничные переходы были без перил, а сумерки смазывали окружающую обстановку. Мы старались прижиматься к стенке, а потому быстро перепачкались. Остановились, когда Ворчун сказал, что ему надоело и он хочет вернуться.

— Давайте хоть один этаж осмотрим, — предложил Митька.

Мы прошли по пустым блокам, которые должны были давно стать комфортабельными квартирами европейского класса, и ничего не обнаружили. Ни звука магнитофона, ни старшеклассников, ни старшеклассниц, ни привидений. Только шум машин, проезжающих по расположенной рядом дороге.

Мы собрались уже было начать спуск обратно, когда Митька вдруг остановился.

— Минутку, — сказал он. — Я сейчас, посмотрю одну вещь.

Поскольку фонарик был только у него, а уже стемнело, мы остались ждать его на лестничной площадке.

Прошло несколько минут. Сначала тихо, потом громче мы стали звать Митьку, но он не отзывался. Идти искать своего товарища без фонарика в опустившейся темноте было опасно. Снизу что-то стал кричать сторож. От этого мы еще больше растерялись.

— Надо спускаться, — сказал Ворчун. — Сторож милицию вызовет.

— А я не уйду без Митьки, — заявила Тайка.

— Спускаемся, — сказал я. — У Митьки фонарик есть.

Мой аргумент про фонарик перевесил, и Тайка не стала больше сопротивляться.

Спуск был ужасным: приходилось ставить ногу на ошупь и еще сильнее, чем при подъеме, прижиматься к стене. Вниз мы спустились полностью изнеможенные, а у Ворчуна вовсю текли слезы. Тайка выглядела потерянной. Когда меня и Ворчуна сторож схватил за шиворот, мы и не подумали сопротивляться. А Тайка все твердила:

— Там еще Митя остался. Там еще Митя остался.

Сторож вызвал милицию. Ему надо было оправдать свое существование перед работодателями.

Милиционер составил протокол. Сторож вызвонил родителей. Нас отругали, потом успокоили. Ворчун вытер слезы и косился на нас с Тайкой. Заметили ли мы его слабость или нет? Уже собрались уходить, когда Тайка снова напомнила про Митьку.

— Дома ваш Митька, — сказал сторож. — Небось уже чай пьет с баранками.

Так и посчитали, что Митька оказался самым удачливым. Не попал в протокол милиции, а значит, для него не будет разборки в школе, когда туда сообщат о происшествии. Но дома нашего товарища не оказалось.

Допросы снова повторились на следующий день. Теперь уже по факту пропажи Митьки. Зачем полезли в здание? Как был одет пропавший? Кто с нами еще был? Видели ли кого-нибудь? Что мы сделали с Митькой? А был ли он с нами?

Допрашивающие милиционеры давили на нас, не стесняясь, но выжать удавалось только слезы. Самым ужасным было ожидание, что вот-вот появятся новости, и нам скажут, что Митька найден мертвым. Спускался, оступился, разбился.

«Нет, этого не может быть! У него же был фонарик!» — твердил я тогда, но картина окровавленного с переломанными ногами и руками Митьки без спроса являлась в мою голову. Подозреваю, что у Тайки и Ворчуна в голове крутились подобные мысли.

Но Митька так и не нашелся. Ни тела, ни следов, словно его с нами и не было. К слову сказать, милиция так и решила, после чего закрыла дело.

Я встал с дивана, убрал бодягу с лица, посчитав, что она уже выполнила свою функцию, и подошел к окну.

Недостроенный «Эверест», так и не ставший жилым комплексом европейского класса, все также возвышался над сталинками старой части города. Все та же пленка на окнах, тот же деревянный забор, только «украшенный» пущенной поверху колючей проволокой, а на место сторожа пришла какая-то охранный фирма. Говорили, что сторож тоже пропал на просторах охраняемого им недостроя, но верить в это было явным перебором. Бритва Оккама подсказывала, что его просто уволили. Но этого хватило. Пропажа Митьки и слухи об исчезнувшем стороже, чей дух до сих пор бродит среди голых стен, сделали свое дело. В «Эверест» больше не лазили. Ни глупые школьники, ни отважные скалолазы, ни любители граффити. Никто. Но вдруг этого захотелось Тайке. Забраться в здание и найти Митьку. Я отказался и был назван придурком.

Подбитый глаз, уходящие подписчики, неожиданный звонок школьной подруги и звание придурка.

«Выходные удались», — подумал я.

Сцена 6

Офис компании, где я работал, встретил меня вычищенным ковролином, отполированными панелями стенок комнат, гудением кофемашины и привычным приветствием секретарши Галочки.

— Ну что, снял квартиру?

— Нет.

— Тряпка!

В управляющей компании «Времена года» я работал уже около трех лет. Когда я только-только в ней появился, то умудрился сразу переспать с Галочкой. Это повторилось еще пару раз к нашему обоюдному, как мне тогда казалось, удовольствию. Но девушка почему-то сочла наши телесные фрикции приглашением к чему-то более серьезному и потребовала снять отдельную квартиру. Собрать рюкзак, разыскать в глуши транспорт для того, чтобы добраться до очередной аномальной зоны, написать, в конце концов, обо всем этом несколько постов — все это я могу сделать. Но вот снимать отдельную жилплощадь для редких встреч с женщи-

ной было выше моих сил. Гремучая смесь лени и ощущения опасности того, что этим дело не закончится, помогли мне противостоять напору этой девушки.

Галочка давно поняла бесперспективность связи со мной, но вопрос про снятие квартиры возвела в ранг ежедневной расправы, и потому вместо приветствия мы обменивались такими репликами. Но в этот раз было кое-что новенькое.

— К тебе сегодня клиент придет, — объявила Галочка и назвала номер.

Именование клиентов по номерам — и на бумаге, и вслух — было изобретением нашего гендира, Виталия Витальевича или просто ВитВита.

— Это важный элемент сохранения прайвеси наших клиентов, — объяснил ВитВит тогда свою идею.

— Во сколько? — спросил я Галочку.

— В 15:00.

— Закажи переговорную.

— Уже сделала. В пятую пойдешь.

Галочка была секретарем компании. Другими словами, обеспечивала работу не одного какого-то человека, а всех сотрудников. Но иногда мне казалось, что она не просто обеспечивала, а руководила. Во всяком случае, ей так хотелось думать.

В компанию «Времена года» я попал, можно сказать, случайно. В то время я пытался смириться с мыслью, что никогда не буду работать в секретной лаборатории института «Микроатмосферных явлений». Попутно я разбирался в причинах моего охлаждения к исследованию НЛО и прочих «зеленых человечков». Звонок приятеля оказался тем камешком, который, покатавшись с горы, столкнул меня с проторенной дорожки. Приятель переходил на другую работу и считал необходимым найти себе замену на старом месте.

«Работать с клиентами? — подумал тогда я. — Легко!»

С «зелеными человечками» работал? Работал. Неужели работа с обычными людьми будет сложнее? Я ошибался. Тогда про клиентскую работу я ничего не знал. Но почему тогда меня взяли в компанию?! Ведь я прошел целых пять собеседований, одно из которых было с ВитВитом. Ведь мои собеседники должны были понимать, что я не гожусь для этой работы!

Наверное, сыграла экстравагантность нашего генерального директора. На собеседовании с ним, так уж получилось, я рассказал ему про свои путешествия по аномальным местам России.

— Здорово! — сказал тогда на прощание ВитВит. — Работа с клиентами — это рассказывание историй.

Не знаю, прав он был или нет, но я был принят. В начале пришлось трудно. Управляющая компания «Времена года» занималась тем, что брала деньги у людей и покупала на них акции. Это называлось управлением активами. Моей задачей было найти богатых людей и убедить их принести свои деньги к нам.

Звонки, факсы, встречи, объяснения, презентации, отказы, редкие договоры — все слилось в одну бесконечную круговерть, от которой я не получал никакого удовольствия. Все изменилось после одного случая. К гендиру пришел какой-то важный человек, и ВитВит взял меня с собой на переговоры. Наверное, чтобы было кому переворачивать страницы бумажной презентации. Эту операцию я проделал успешно, а потом оставил их вдвоем для беседы тет-а-тет. Галочка, которая приносила им потом кофе, позвонила мне и загадочным голосом произнесла:

— А ты молодец!

— Ты о чем?

— Знаешь, что про тебя сказал этот важный дядька?

— Что я тряпка? — выдал я свою догадку.

К тому моменту наши отношения с Галочкой уже достигли той стадии, когда слово «тряпка» было частым в нашем общении.

— Нет. Он этого пока не знает, — успокоила меня девушка. — Он сказал, что у тебя очень хорошее лицо. Смотришь — и хочется верить.

Вот так. Я часто вспоминал этот разговор с Галочкой. Поистине, наши недостатки есть продолжение наших достоинств. И наоборот. Из-за моей физиономии я могу, ни за что ни про что, получить фингал под глаз или продвигаться по службе.

После этого случая ВитВит стал часто брать меня на встречи с потенциальными клиентами, и мне уже не надо было самому звонить, ездить, уговаривать. Почти все, с кем мы встречались, становились нашими клиентами, и их обслуживанием занимался именно я.

КЛ-2043 был серьезным клиентом. У нас под управлением находилась солидная сумма его средств. А в офис приходил его юрист, что тоже показывало значимость этого КЛ-2043. К встрече с ним надо было хорошо подготовиться.

Я зашел в бэк-офис и получил последние отчеты.

— А это обязательно указывать? — спросил я Эллочку, операционистку бэк-офиса, которая подготовила мне бумаги.

Внизу отчета, где подводился результат управления, стояла цифра — 30%. Целых «минус тридцать процентов»! Я, конечно, понимал, что даже если этой цифры в отчете не будет, клиент сам сложит и разделит нужные значения и получит такой же результат. От этого никуда не деться. Но зачем делать это самим? Это какой-то мазохизм!

— Степа, ты же знаешь, что если убыток составит 35% или более, то мы обязаны уведомить об этом клиента, — отрапортовала Эллочка. — Вот мы и попросили Вову, чтобы в отчетах была эта цифра, чтобы не упустить важный момент.

Эллочка всех называла по-домашнему. Я был Степа, а наш программист — Вова.

— Понятно. Спасибо.

Полученный отчет недвусмысленно намекал, что общение с представителем КЛ-2043 легким не будет.

Я пошел к выходу из бэк-офиса, но потом снова вернулся к столу Элочки:

— Слушай, а ты не хочешь вместе со мной сходить на встречу с клиентом? — спросил я.

— Не, не, не, Степа, — замотала головой девушка, даже не оторвав взгляда от компьютера, словно кроме бухгалтерской программы там было что-то еще, более интересное. — Вы меня в свои разборки не втягивайте.

— Ладно, — сказал я. — Еще раз спасибо за отчеты.

— На здоровье. Заходи еще.

Сцена 7

Если в бэк-офис любой сотрудник мог пройти свободно, то на двери в комнату, где сидели управляющие активами, стоял кодовый замок. Четыре кнопки были вытерты больше остальных. 2-4-8-9. Конечно, возможно, последовательность была другая, не просто сверху вниз, слева направо. Но я знал, что никто мудрить бы не стал. Можно было бы набрать эту комбинацию, и замок бы открылся. Но я поступил проще: нажал кнопку «звонок».

— Кто?

— Руслан, это я, — сказал я в микрофон.

Щелкнул замок, я прошел внутрь.

— Привет, отвлеку на пару минут? — спросил я.

В комнате у окна за столом с тремя мониторами, развалившись в кресле так, что казалось, человек не сидит, а лежит, располагался Руслан, наш начальник департамента по инвестициям. В комнате было еще два стола, но все они пустовали. То ли звезды так сошлись, то

ли в других компаниях стали платить больше, но два других сотрудника, возглавляемого Русланом подразделения, уволились. А может быть, были другие причины, о которых я просто не знал. Возможно, наш Руслан хотел быть единственным и неповторимым, как Полярная звезда на небе. «Только я даю правильное направление. Только на меня смотрите. Только я самая яркая».

Но если Полярная звезда билась за внимание и уважение, то Руслан мог выиграть и материально. Оставшись в одиночестве, он мог давить на ВитВита, выбивая прибавку к жалованью, либо еще какие-то бонусы.

— У КЛ-2043 — минус 30, — сразу перешел я к делу.

— Ну и? — Руслан ничуть не удивился и даже ни на миллиметр не поменял положения тела.

— Что сказать клиенту?

— Все отрастет, — ответил Руслан и что-то поправил мышкой на одном из своих экранов.

— Блин, Руслан! — не выдержал я. — В конце прошлого месяца это уже говорили!

— Ну и что? — мой собеседник был непрошибаем.

— За месяц мы упали еще на 15%!

— Да? — чуть-чуть удивился Руслан и принял сидячее положение. — Что там у него?

Он взял у меня отчеты и пару минут рассматривал их.

— Да все хорошо, — наконец выдал он свое решение. — Смотри: у него Сбер и Никель. Никель — первое место в мире по никелю и палладию, третье — по платине. Что с ним будет?

— Сбер — ты и сам все понимаешь, — продолжил Руслан. — Он один такой, плюс еще господдержка. Так что все отрастет! Можешь так и передать 43-му.

Клиентов у нас было 43. Добавить цифру 20 придумал сам гендир.

— Для конфиденциальности, — так он объяснил свое решение.

«А еще пустить пыль в глаза», — подумал я.

— Если бы два месяца назад все продали, то клиент не потерял бы 30%, — сказал я. — А это очень много. Ты видел, какая у него сумма?

— Так не бывает, — спокойно возразил мне Руслан.

Он снова занял свое почти лежачее положение.

— Никто не знает, когда надо продать, а когда купить, — продолжил наш управляющий. — Компания хорошая — мы покупаем их акции. Рано или поздно они вырастут.

«Зря спросил», — подумал я.

Все эти объяснения были известны заранее. Каждый понедельник у нас проходит утренний митинг: клиентчики, кто-то из бэк-офиса, ну и Руслан. Теперь без него никак. Вопросы, ответы и пространные объяснения управляющего, что все отрастет.

— Сходишь со мной на встречу с клиентом? — спросил я Руслана.

— Не, не, не, — почти как Эллочка ответил управляющий. — Ты мою должностную видел?

— Видел, — сказал я.

Год назад я участвовал в написании регламента обслуживания клиентов. Тогда и познакомился с обязанностями Руслана.

— Ну и что там про клиентов? — спросил мой собеседник.

— Написано, что ты можешь участвовать в переговорах.

— Вот! — снова принял сидячее положение Руслан и посмотрел на меня. — Могу, но не обязан. Так что давай, каждый из нас будет выполнять свою работу.

Он снова занял лежачее положение, всем видом показывая, что разговор окончен.

Сцена 8

Наша компания располагалась на шестом этаже большого офисного центра. Но сам гендир и пара переговорных для vip-клиентов находились повыше, на десятом этаже.

Какой в этом смысл? Не знаю. Если, конечно, спросить об этом ВитВита, то он, наверное, объяснил бы, но я или кто-нибудь другой об этом его не спрашивали.

— У себя? — обратился я к Наталье, высокой, ухоженной блондинке, секретарю гендира.

— Не-а, — ответила она, не отрываясь от зеркальца, в котором рассматривала свои брови.

— Красивые, — сказал я.

Занимаясь НЛЮ, я подтянул свои знания в физике. Начав работать с клиентами, мне пришлось осваивать другие навыки. В первую очередь, навыки общения. С людьми надо разговаривать. О чем угодно, на любую тему, только не молчать. А лучше взять и немного похвалить.

Считается, что женщины ценят, когда их хвалят за то, чего у них на самом деле нет. У Натальи были жидкие, бесцветные брови. Совсем не по последней моде. Сложность была в том, чтобы не соврать. Скажи я, что у нее густые и темные брови, как у Кары Делевинь, секретарша моего босса мне бы не поверила. И на этом наше свободное общение и закончилось бы. Поэтому я выбрал совсем другой путь. «Красивые» — субъективное определение. Кому-то красивое, а кому-то — не очень.

— Правда? — повелась на мою похвалу Наталья и на минуту выпала из образа неприступной стражи дверей небожителя. Но только на минуту.

Она отложила в сторону зеркальце и строго взглянула на меня.

— Его нет.

— Когда будет?

— Через неделю.

— А пораньше? — спросил я, заподозрив, что это все игра.

— Не-а, — ответила Наталья. — Сама ему билеты туда и обратно покупала. На Мальдивах он.

— Здорово!

— Ага, — сказала секретарь. Было видно, что ей хочется снова достать зеркальце. Не все волоски бровей были исследованы.

— А кто за него? — я все же решил идти до конца.

— Как всегда, — ответила Наталья. — Руслан.

«Вот и все, круг замкнулся, — подумал я. — Ни помощников, ни поддержки. В 15:00 я буду с клиентом один на один».

Сцена 9

— Степан Юрьевич, — сидящий передо мной колобок не стал тянуть и сразу перешел к делу. — Как вы оцениваете положение нашего портфеля акций?

Это был представитель КЛ-2043. самого клиента, владельца холдинга «МеталлургПромТехИнвест», я никогда не видел. Только слышал о нем от его представителя, вот от этого колобка. «Шеф сказал...», «Босс просил передать...» и так далее.

Колобка звали Владимир Яковлевич, был он среднего возраста, невысок, лыс и круглолиц. Вообще, округлость была его основной чертой и во внешности, и в поведении. Вот и сейчас он не стал резать правду-матку в лицо, а так закруглил разговор, что мне оставалось либо выложить все начистоту, как есть, либо бубнить какие-нибудь банальные фразы, выставляя себя полным идиотом. Сказать правду или выглядеть идиотом — тот еще выбор!

Видимо, я задумался, потому что мой собеседник, вопреки ожиданиям, решил сам продолжить разговор.

— Положение плохое, — сказал он. — И самое неприятное то, что это тенденция. В прошлом месяце был минус. В этом месяце — все повторилось. Что скажете?

— Ваш портфель акций сбалансирован, — я выбрал проверенный путь идиота. — Норильский Никель — это внешний рынок, а Сбербанк — внутренний. Вряд ли стоит ожидать изменения конъюнктуры на внешнем и внутреннем рынке одновременно.

Владимир Яковлевич на минуту задумался, а потом сказал:

— Степан Юрьевич, вы хороший сейлз. Слушаешь вас — и хочется верить. Но остается один вопрос: почему нельзя было продать хотя бы часть акций два месяца назад и потом откупить их же по новым ценам.

«Потому что Руслан этого не может делать и боится ошибиться», — подумал я, но вслух сказал совсем другое.

— Это мы сейчас знаем, что надо было тогда продавать, а сейчас откупаться. Все могло бы оказаться по-другому. А любая транзакция — это расходы для клиента.

— Очень хорошо, — вновь похвалил меня Владимир Яковлевич. — Правда, есть одно «но». Мы держим активы еще в другой управляющей компании. Вот они рискнули продать часть акций, и результаты управления у них благодаря этому лучше.

— Два месяца — слишком маленький срок, — возразил я. — Чтобы делать выводы, кто из управляющих лучше.

— Я бы согласился с вами, — сказал колобок. — Но есть такое понятие, как ликвидность. Оно же вам знакомо? — Он сделал паузу.

Я кивнул головой.

— Отлично, — Владимир Яковлевич удовлетворился моим кивком. — Дело в том, что мой босс начинает новый проект и смотрит, из каких других проектов можно забрать деньги.

— Вы тоже один из наших проектов, — продолжил он. — Но если вы сейчас продадите все акции из нашего портфеля, то мы понесем убытки в размере 30%, а это почти 30 миллионов.

— И дело не в том, много это или мало, а в том, что мы не можем разбрасываться деньгами, — он со значением посмотрел на меня. — Понимаете?

— Не совсем, — мне даже не пришлось притворяться идиотом. Я уже понял, что наша компания может потерять клиента, но дальнейшая цепочка рассуждений была мне непонятна.

— Об этом станет известно другим нашим контрагентам, — пояснил мой собеседник. При этом он посмотрел на меня, как на несмышлениша. — И это создаст нам сложности. Труднее будет договариваться.

— И какой выход? — спросил я.

— Поделить расходы, — ответил колобок. — Мы не снимаем с себя ответственности за наш поступок. Мы сами приняли решение отдать вам деньги в управление. Так что наша вина — половина убытков, но другая половина — ваша.

«Блин, — подумал я. — Такой расклад нашего гендира не устроит!»

Колобок внимательно посмотрел на меня.

— Вы меня не поняли, Степан Юрьевич, — сказал он. — Половина из потерянной суммы — это ваша личная вина, ваши личные расходы.

— Что? Какие мои личные расходы? — вопросы, вылетевшие из моего рта, были совсем идиотскими, но еще более идиотской была интонация, с которой я их произнес.

Но это было невозможно! Не я брал деньги у клиента! Не я ими распоряжался! Не я покупал акции, лежа в кресле! При чем тут я?

На последний вопрос ответил сам Владимир Яковлевич.

— Все очень просто, Степан Юрьевич, — сказал он. — Это вы пришли к нам в офис. Это вы предложили нам услугу по доверительному управлению. Это вам мы поверили. Если бы не было вас, ничего этого бы не произошло. Соответственно, не было бы расходов.

Он подождал, что я скажу в ответ. Но я молчал.

— Но, как я уже сказал, мы не снимаем с себя части вины. Причем существенной ее части. Но остальное — это ваше. Вам надо будет это лично возместить.

Он снова остановился, чтобы дать возможность мне что-то сказать в ответ. Но у меня в голове не было ни одной мысли. Я не испугался, наверное, просто еще не успел. Я был поражен так, словно ощутил, что стою в полной темноте на краю пропасти, о которой только что узнал. Пошевелись — и сразу рухнешь в бездонную тьму. Не было даже мысли «что делать?». Правда, была небольшая толика злости на этого колобка. Такого круглого, сытого и довольного. Хотелось двинуть кулаком в его улыбающуюся физиономию.

Владимир Яковлевич встал, открыл одну из бутылок с минеральной водой, всегда стоящих у нас на столах в переговорной, и налил воды в стакан.

— Выпейте, Степан Юрьевич, — он протянул мне воду.

— Спасибо, — сказал я.

Медленные глотки — это как считать слоников для того, чтобы уснуть. Выпив стакан, я почти успокоился.

— У меня нет таких денег, — сказал я, а в голове вчерне вызрел план бегства.

Мне был знаком по крайней мере десяток заброшенных, аномальных мест. Их редко посещали, а потому там можно было бы легко скрыться.

«Заодно вернусь к своему прежнему занятию, а там... пусть мне помогут „зеленые человечки“. И тут же в голову пришла мысль о маме и картинка, как она сидит перед телевизором, в купленных мной белых наушниках и смотрит новости. На этом мой план побега рухнул.

— Они могут не потребоваться.

— Что? — я не смог сразу переключиться на окружающую действительность.

— Деньги могут не потребоваться, — терпеливо сказал колобок. — Мой шеф хочет с вами встретиться.

— Зачем?

— Обсудить, как вы сможете вернуть наши потери, — колобок увидел, что я хочу что-то сказать, и замахал руками. — Но, как я уже сказал, деньги могут не потребоваться. У моего босса есть к вам предложение.

— Какое предложение? — не понял я. — «Какое может быть предложение ко мне у человека, которого я никогда не видел, и он меня никогда не видел? Продать мою почку? Может быть, у нас стопроцентная совместимость?»

Меня передернуло от таких предположений. Но навык, полученный при работе с клиентами, говорил, что надо общаться, общаться и еще раз общаться. Если хотят поговорить, значит, не все еще потеряно. Нельзя торопиться с принятием решения, не получив всей информации.

— Насчет предложения ничего не могу сказать, — ответил колобок. — Его сделают вам лично.

— Хорошо, — сказал я. — Когда и где?

— Завтра. Не будем тянуть, — улыбнулся Владимир Яковлевич. — В это же время, 15:00, вот по этому адресу. — Он протянул мне визитку.

На визитке не было никакого имени. Только название холдинга и адрес.

— Хорошо. Я буду, — сказал я.

Сцена 10

К офисному зданию, в котором была назначена встреча, я подошел заранее. Ровно на столько, чтобы мне успели выписать пропуск, а я смог бы добраться до нужного этажа, доложиться на ресепшен и попасть на прием к вызвавшему меня боссу без опоздания.

Само здание больше походило на крепость. Всего пять этажей, но они смотрелись основательнее, чем двадцать этажей бизнес-центра, где я работал. Сходство с крепостью придавало еще и то, что здание было выстроено на склоне холма, который спускался к Москве-реке. Река, в свою очередь, вполне могла выступать в качестве крепостного рва.

«Красна изба не углами, а пирогами», — сказал я себе: то ли подбадривая, то ли успокаивая.

На первом этаже я показал визитку. Охранник вписал мои данные в компьютер, а потом сказал:

— Третий этаж, — и сразу же потерял ко мне интерес.

На нужном этаже стену рядом с обычной дверью занимал большой кусок железного листа. Первой мыслью, которая пришла мне в голову при виде этой инсталляции, было: как такой вес выдерживают перекрытия? Лист был толстый, темный, что создавало впечатление неимоверной тяжести. Края листа были рваными, словно лист образовался от взрыва какого-то боеприпаса. Потом его кое-как распрямили, подровняли, а края покрыли чем-то красным.

«Ржавчина», — подумал я, хотя более впечатлительный человек мог бы высказать и другую догадку.

На листе в центре блестела надпись «МеталлургПромТехИнвест», а ниже, не совсем коррелируя с окраской краев листа, стояли слова «Не поддается коррозии».

Я позвонил в дверь, меня впустили. Внутри неведомый дизайнер оформил офис так, что лист железа перед дверью уже не казался чуждым элементом. Все в этом офисе было основано на контрасте мрачного и яркого. Только это яркое было где-то под самым потолком. Невольно приходила на ум аналогия с неким плавильным цехом, где дымно и пыльно, а откуда-то сверху пробиваются лучи солнца. Дизайнер явно не даром ел свой хлеб. Только вот какво работать в таком офисе?

За стойкой ресепшен сидело две женщины, которые больше походили на учительниц математики, чем на секретарш.

Я протянул им свою визитку:

— Мне назначено.

— Ожидайте, — одна из «учительниц» указала на темные кресла. Садясь в одно из них, я машинально рукой протер кожу сиденья, словно проверяя, нет ли на ней угольной пыли.

Прошло минуты две, когда из глубин этажа появилась еще одна «учительница».

— Степан Юрьевич?

— Да.

— Идите за мной.

Женщина провела меня в переговорную, такую же мрачную, как и весь остальной офис. Только вот большой стол был ослепительно белым и блестящим. Я прямо представил, как дизайнер, создавший эту комбинацию, приводил самый главный аргумент необходимости такого контраста: «Такого ни у кого нет!»

Действительно, за время работы клиентщиком я побывал во многих офисах, но подобного еще не встречал.

Сопровождавшая меня женщина ушла, не предложив ни воды, ни кофе. Окружающая обстановка давила, и я пропустил момент, как из боковой двери в переговорную вошел высокий мужчина средних лет.

— Это я тебя пригласил, — с ходу начал он.

— Здравствуйте, — сказал я.

Мужчина правильно расшифровал мое приветствие. Оно недвусмысленно указывало, что я хотел сказать: со мной не поздоровались. Мужчина секунд десять изучал меня, потом хмыкнул и сказал:

— Зато без лишних слов и сразу к делу. Владимир Яковлевич описал твои перспективы?

— Да.

— И что скажешь?

— Не виновен, ваша честь, — выпалил я.

Вот честное слово, не хотел. Наоборот, идя сюда, я пообещал себе быть максимально серьезным. Но... как-то выбила меня из колеи окружающая обстановка.

Я думал, что мужчина рассердится, но он рассмеялся.

— Хорошо держишься, — сказал он. — Тебе предложили кофе?

— Нет.

— Сейчас исправим.

Он хлопнул в ладоши и громко сказал:

— Лидочка, два кофе эспresso.

«О как!» — подумал я, а мужчина продолжил:

— Я не буду повторять того, что говорил тебе Владимир Яковлевич. Терпеть не могу повторений! Но ты бы оставил свой куражный настрой. Лишнее это. Ты либо сотрудничаешь с нами, либо возвращаешь деньги.

В это время в переговорную зашла очередная «учительница» математики. Другая, не из тех, кого я уже видел. Она принесла две чашки черного кофе.

«Ну да, — подумал я. — Какой может быть здесь кофе, кроме черного?»

— Я готов сотрудничать, — сказал я. — Вам нужна моя почка?

Мужчина хотел сделать глоток кофе, но, услышав мою реплику, скривился.

— Степан, я же просил!

— Извините, — я дерзил по простой причине: мне было страшно. — Больше не повторится.

Мужчина посмотрел на меня, кивнул, а потом двумя большими глотками выпил кофе.

— Мне надо, чтобы ты нашел своего Митьку, — сказал он.

— Что? — если бы я не сидел, то, наверное, упал бы, ноги бы не выдержали. Я ожидал... да, я ожидал чего угодно, но только не этого.

Мужчина скривился.

— Терпеть не могу повторять! — сказал он. — Ты пил кофе? — Он указал на мою чашку.

— Нет, — ответил я, хотя точно не помнил. — Скорее всего, нет.

— Давай, — сказал мужчина и, не дожидаясь, дошел до моего конца стола, взял мою чашку и одним глотком выпил ее содержимое.

Потом он наклонился ко мне и, почти касаясь своим лицом моего лица, сказал:

— Я хочу, чтобы ты нашел своего товарища, Митьку. Понял?

— Да, — сказал я, хотя ничего не понимал.

— Хорошо, — сказал мужчина. — Сейчас придет мой научник и все объяснит.

Не дожидаясь моего ответа, мужчина отправился к боковой двери, через которую он проник в переговорную.

— А как вас зовут? — спросил я.

Мужчина остановился и обернулся:

— Босс, шеф. Выбирай любое.

После этого он скрылся за дверью.

Сцена 11

Прошло пять минут, потом еще пять. Я достал телефон, позвонил в офис и сказал, что задерживаюсь у клиента.

— Принято, — подтвердила Галочка. — Можешь не торопиться. Тут уже половина офиса слиняла.

— Понял.

— Квартиру снял? — вместо прощания спросила моя несостоявшаяся половинка.

— Нет.

— Тряпка! — припечатала Галочка и оборвала звонок.

Прошло еще минут пять, а потом я не выдержал. Хлопнул в ладоши и громко сказал:

— Одно кофе капучино.

Входная дверь тут же открылась, и в нее вошел средних лет мужчина. Слово «научник» подходило к нему лучше всего. Очки, серый костюм, мятые брюки, короткие рукава пиджака.

— Уже освоился? — подмигнул он мне, потом хлопнул в ладоши и тоже громко сказал: — Лидочка, мне тоже и того же.

После этого научник расположился на соседнем кресле.

— Я рад, что ты нашелся и согласился участвовать в нашем проекте, — сказал он. От него веяло неподдельной радостью. Он словно не замечал давящей окружающей обстановки. — Меня, кстати, зовут Василий Александрович. Если подружмся, то сможешь называть дядей Васей.

— Степан, — я протянул руку, которую возможный будущий дядя Вася крепко пожал.

— Я знаю, — сказал он.

В комнату зашла все та же «учительница» с двумя большими чашками, над которыми гордо высилась молочная пена. К кофе прилагалось печенье.

— О, ты уже в команде, — сказал научник.

— Что? — не понял я.

— Печенье, — пояснил он. — Простым гостям их не приносят.

— Вы серьезно?

— Более чем! — мой собеседник сделал глоток кофе. — Но давай к делу! Шеф сказал тебе, что ты должен найти своего друга Дмитрия?

— Да, но я ничего не понял.

— Объясняю, — сказал научник. — Твой друг, скорее всего, провалился в параллельный мир.

— Вы что? Серьезно? — я не верил своим ушам.

— Знаешь, видеть такое недоверие от того, кто столько лет занимался аномальными явлениями, просто странно.

— Дело не в этом! Пропаже Митьки точно есть какое-нибудь более простое объяснение!

— Какое? — спросил научник, как ни в чем не бывало, жуя печенье. — Мы подняли все материалы. Ни-че-го!

— Можно? — на его блюде печенье закончилось, и он протянул руку к моим.

— Пожалуйста, — я подтолкнул к нему блюдо.

Все происходящее не умещалось в моей голове. Сначала наезд с убытками по портфелю акций, теперь провалы в параллельные миры.

— Будь уверен, — тем временем продолжил Василий Александрович. — Все простые объяснения мы проверили. Твой монах из Оккама был бы доволен.

«Читали мой блог», — догадался я. Там я часто бился с теми, кто хотел в каждом чихе видеть сразу инопланетное вмешательство.

— Кроме того, после этого случая пропал сторож, охранявший этот недострой.

— Может быть, это только слухи? — спросил я, понимая, что эти ребята и в этом случае, скорее всего, все проверили.

— Нет, не слухи, — подтвердил научник. — А еще есть информация, которую ты не знаешь.

— Но раз тебе уже носят печенье, то я думаю, что могу ею с тобой поделиться, — усмехнулся он.

— Дело было до революции, — начал он свой рассказ. — На месте вашего городка было хорошее дачное место для чистой публики. Заподозрив переход в другой мир, мы копнули вглубь истории и нашли один интересный случай. Именно на этом месте в те времена стояла дача купца Ефимова.

— Который тоже пропал?

— Точно! — подтвердил научник. — И знаешь, что интересно? Вдова приглашала освящать дом священника из Москвы.

— ?

— Местный поп отказывался, — пояснил Василий Александрович. — Но это не помогло. По какой-то причине дом сгорел, и больше на этом месте никто не строился. Ну, если не считать компанию «Ах-и-лес», первого заказчика «Эвереста». Интересно, да?

— Интересно, — согласился я.

В другое время, при других обстоятельствах, попадись мне такие материалы, то получилось бы хорошее расследование. Но что-то мне подсказывало, что я еще долго не буду что-либо писать в свой блог.

— Что мне надо сделать? — я не стал ходить вокруг да около.

Василий Александрович, видимо, решил поступить также.

— Тебе надо пойти в «Эверест», найти переход в параллельный мир, пройти в него, сделать пару снимков и вернуться обратно.

— Вот так просто?! Взять и пройти в параллельный мир?

— Не просто, — согласился научник. — Но при постановке задачи я всегда стараюсь выражаться простыми словами. Потом меньше ошибок, понимаешь?

Я вдруг подумал, что меня окружают сумасшедшие. Ресепшеонистки, похожие на учительниц математики. Шеф, пьющий из чужой кружки кофе одним глотком. Василий Александрович, уделяющий так много внимания печенью и ставящий простыми словами задание по переходу в параллельный мир. Точно сумасшедшие! Если бы не одно «но». Этот «сумасшедший» шеф передал нам в управление 100 миллионов, а Руслан из открытой информации раскопал, что стоимость всего «МеталлургПромТехИнвеста» составляет под сотню миллиардов. Если бы, конечно, кто-нибудь решил его купить. И если бы кто-нибудь захотел его продать.

— И как это сделать? — спросил я. — Как вы все это видите?

— Ценю практический подход, — сказал научник. — Сразу видно опытного исследователя.

Я поморщился.

— Не веришь? — Василий Александрович сделал обиженное лицо. — Я даже твою статью читал. Ну ту, что про микроатмосферные явления. Ты знаешь, для начинающего вполне неплохо. Я бы даже взял тебя в аспиранты на свою кафедру.

Научник явно проболтался. Он не должен был мне этого говорить. Поэтому он на пару минут замолчал, а потом постарался переменить тему.

— Кстати, а почему тебя не взяли работать в лабораторию А-3623?

— Как в КГБ, — пояснил я. — Если просишься сам, то туда не берут.

— Постой, — удивился научник. — Когда не берут в КГБ, это понятно. Можешь оказаться вражеским агентом. Но здесь...

А потом я увидел, как Василий Александрович смеется. Он кашлял, хрипел. Из глаз текли слезы.

— Ты не понял? — спросил он, а потом еще на пару минут зашелся в своем нестандартном смехе.

— В КГБ не берут, опасаясь вражеских агентов. Тебя не взяли, потому что опасались... чего...?

Тут до меня дошло, и я усмехнулся. Если по словам директора института лаборатория А-3623 защищала Землю, то директор опасался, что я агент... инопланетян.

— Смешно, — сказал я. — Так все же, как вы видите переход в параллельный мир?

— Скучный ты человек, Степан Юрьевич, — вздохнул научник и стал объяснять.

По его мнению, надо было воссоздать ситуацию, максимально приближенную к той, которая была в день пропажи Митьки.

— Вашего друга, конечно, нет, но остальным надо собраться и прийти на тот же этаж, в ту же комнату, как и тогда. На наше счастье, насколько мы знаем, в вашем «Эвересте» ничего не изменилось.

— Это важно? — спросил я. — Быть всем троим?

— Да, — ответил он. — Важно.

— Понимаешь, — продолжил любитель печенья и заведующий неизвестной мне кафедрой, — мы, как алхимики. Мы не понимаем внутреннего процесса перехода. Поэтому важно соблюсти все внешние факторы. Если получилось один раз, то получится и второй.

— Понятно, — сказал я. — А если они не согласятся?

Я немного лукавил. В воскресенье утром Тайка звонила мне именно по поводу поисков Митьки. Так что оставалось убедить только нашего Ворчуна, Кольку Холодова.

— Придется постараться, — серьезно ответил научник. — Шеф чего тебе пообещал?

— Прощения всех прошлых и будущих прегрешений, — почти не соврал я и улыбнулся.

— Да-а-а? — потянул Василий Александрович. — Почти, как мне.

Он на минуту задумался.

— Нам самим туда лезть? — поинтересовался я.

— А как ты хотел?

— Подъехать на мерсе. Крузак с охраной сзади. Помахать ксивами. Положить охрану мордой вниз, — ответил я. — Ну, что-то в этом роде.

— Не пойдет, — ответил научник. — Не то чтобы это невозможно, но тогда у вас будет другой настрой. Помнишь, надо попытаться повторить все, как было тогда. Максимально близко. Страх, возбуждение от неизвестного, разочарование... Ну что я тебе объясняю! Это же ты там был, а не я!

— Я смогу увидеться с... — я на мгновение поколебался. — С шефом?

— Не знаю, — пожал плечами научник. — Если он тебя вызовет, то сможешь. Но имей в виду, он ценит инициативу. Я на твоём месте начал бы действовать как можно быстрее.

Он поднялся из-за стола. Я встал вслед за ним.

Я почти дошел до двери, когда все же задал вопрос, который появился к концу этой встречи.

— А зачем это все?

Василий Александрович хмыкнул.

— Ост-Индская компания, — сказал он. — Вообще-то, это не в моей компетенции. Шеф сам потом тебе все расскажет. Если захочет.

На этом наша встреча закончилась.

Сцена 12

Тайка прибежала сразу, как только я ей позвонил и объяснил задуманное.

— Ты самый лучший, — сказала она, когда я запустил ее в квартиру.

— Кто там? — спросила мама. Ноги у нее были слабые, но слух хороший.

— Мам, это Тая, — крикнул я. — Мы собираемся готовить встречу одноклассников.

— Таечка, милая, — также не выходя из своей комнаты, попросила мама. — Пожалуйста, подойди ко мне. Посмотрю, какая ты стала.

Мама и Тая о чем-то ворковали минуты три, а я терпеливо ждал бывшую школьную подругу в своей комнате.

— Так себе живешь, — сказала Тайка, оглядев мою обитель. Видимо, она уже забыла, что несколько минут назад я был самый лучший.

— Собираешься задержаться? — съязвил я.

Перемена настроения Тайки меня почему-то задела. Я с ней не виделся со школы. Чем она занималась, с кем жила — мне было все равно. Но стоило мне только увидеть ее приятную мордашку и стройную фигурку, услышать от нее явную лесть в свой адрес, и прошлое вернулось. Ведь когда-то я был влюблен в нее. Впрочем, как и половина мальчишек нашего класса.

— А ты предлагаешь? — ничуть не смутилась моя бывшая школьная любовь.

Та Тайка, оставшаяся в прошлом, краснела, когда мы говорили, что можем встретить целующихся старшеклассников на заброшенной стройке. Эта особа ставила вопрос ребром: что мне будет, если я здесь останусь?

— Я предлагаю проверить мою теорию, — начал я, но Тайка меня перебила.

— Твою теорию?

— Ты же знаешь, что я работал в профильном институте, — я пустился в объяснения. — И даже сейчас я не теряю с ними связи.

Я врал. Придя в офис «МеталлургПромТехИнвеста», я фактически согласился с тем, что должен им уйму денег. И сейчас я их отработывал.

Как ни странно, мои слова про институт и мои якобы связи с ним Тайку успокоили.

— Ты снова хочешь вернуться в науку? — спросила она.

— Если у нас все получится, — соврал я.

— И что нам надо сделать?

— Почти ничего, — я решил следовать тому плану, что нарисовал мне научник, Василий Александрович. — Прийти на тот же этаж, в то же место. Попытаться найти что-нибудь странное и необычное.

— И все?

— Нет, — сказал я. — Надо попытаться вспомнить, что мы тогда чувствовали, и восстановить этот настрой.

— Не получится, — сказала Тайка.

— Почему?

— Митьки нет, — пояснила она. — Не обижайся, но туда я пошла только ради него.

— За чем же дело стало? — ответил я. — Ты и сейчас пойдешь ради него.

— И тебе совсем-совсем, ни чуточки не будет обидно?

«Ну что вы за существа, женщины? — подумал я. — Прекрасно же видишь, что это меня задело. Но тебе надо, чтобы я это подтвердил вслух».

— Не будет, — сказал я. — Митьки давно нет, а после похода на стройку ты зайдешь ко мне, и мы по-быстрому перепихнемся.

Тайка хмыкнула.

— И не мечтай! — сказала она. — Ворчун где сейчас?

- Работает в магазине «Инструмент для тебя и меня», — это я уже выяснил.
— Позвоним?
— Нет, давай лучше заглянем в магазин сами. Так от нас труднее будет отделаться.
— Тогда пошли! — Тайка двинулась к двери. — Маргарита Владимировна, до свидания.
— Мам, я тоже ушел, — сказал я, но мама позвала меня в свою комнату.
— Степушка, — начала она, взяв меня за руку. — Таечка такая хорошая! Вот бы...
— Мам, не надо, — прервал я ее. — Это просто встреча одноклассников.

Сцена 13

Ворчуна мы уговорили чудом. Сначала он наотрез отказывался. Что-то бубнил про домашние дела, и я подумал, что наша затея сорвется.

Но тогда выступила вперед Тайка.

— Скажи, что ссышь! — сказала она. — И мы уйдем. Просто скажи, что ты сыкло и не хочешь поддержать старых товарищей.

Ворчун засопел, а потом решился.

— Ладно, — сказал он. — Но только один раз и сегодня вечером. Жене скажу, что пил пиво с тобой. — Он посмотрел в мою сторону.

Чем ближе мы подходили к «Эвересту», тем хуже становилось у меня на душе. Мне казалось, что, побывав в офисе «МеталлургПромТехИнвеста», я заразился царящим там сумасшествием. А потом заразил им своих бывших одноклассников. Хотя нет! Тайка звонила мне с предложением отправиться на поиски Митьки до всего этого. До моих встреч и с колобком, и с шефом, и с научником.

«А может быть, она с ними заодно? — подумал я. — Нет, вряд ли». — Отмел я эту мысль.

Но все равно на душе было беспокойно. Что было на душе у моих спутников, я не знал. Не разбежались еще пока — и ладно.

На заброшенном «Эвересте» все было, как и раньше. Доски в заборе, которые можно было отодвинуть, так и не были прибиты. Автобусная остановка удачно заслоняла их от посторонних взглядов. Мы какое-то время делали вид, что ждем транспорт. На самом деле мы вслушивались в то, что происходит на стройке. Хлопнула дверь в вагончике охраны, но шагов мы так и не услышали. Выручил фонарь. Охранник освещал им дорогу перед собой. Луч света метался в темноте, указывая его путь. Вот он прошел мимо нужных нам досок в заборе. Вот снова хлопнула дверь вагончика.

«Пора», — подумал я, но меня опередила Тайка.

— Вперед, — сказала она.

Мы пролезли сквозь забор. Потом я посадил на плечи Тайку, и она ножом разрезала пленку, закрывающую окно первого этажа. Больно лягнув меня по левому плечу, Тайка заскочила внутрь. Затем мы вталкивали в окно Ворчуна. Я подсаживал его снизу, а Тайка тянула сверху. За ним кое-как забрался и я.

Разрезанную пленку заклеили скотчем и сели у стенки отдышаться. Мое сердце колотилось так, что я думал, что вот-вот за нами придет охранник. Но секунды бежали вперед, и по-прежнему было тихо.

— Ну что? — шепнула Тайка. — Пошли?

Мы поднялись на несколько этажей. В этот раз у каждого из нас был большой фонарь. На линзу фонаря было накручено приспособление со шторками, потому свет не рассеивался, а бил узкими полосами в нужном направлении. И фонари, и приспособления к ним я купил на всех нас троих в магазине у Ворчуна.

— Кажется, здесь, — сказала Тайка.

Мы разошлись по пустым комнатам в поисках неизвестно чего. Впрочем, почти двадцать лет назад было также. Тогда мы тоже бродили по зданию без особой цели.

И тут я услышал шепот.

— Все. Достало. Все достало! — за моей спиной появился Ворчун.

— Вы чего шумите? — из соседней комнаты вышла Тайка.

— Как вы меня достали! — Ворчун продолжал шептать, но казалось, что он криком кричит.

— Нет, я понимаю, что вы оба ненормальные. У этой с мужиками проблемы, — Ворчун махнул фонарем в сторону Тайки. — Вот она и мечется в поисках неизвестно чего.

— Ты стал совсем больным на голову со своими «зелеными человечками», — эти слова уже предназначались мне. — Все строишь из себя эксперта по НЛО, а сам не можешь уже больше года написать хотя бы один пост в свой сраный блог. Думаешь, кто тебе задает один и тот же вопрос каждый день?

Ворчун засмеялся достаточно громко, и мы с Тайкой вздрогнули.

«Кажется, затея срывается», — подумал я.

— Знаешь, кто такой NonameNobrain? — снова перешел на шепот Ворчун. — Это я! Это я достаю тебя каждый день с вопросами про новое расследование. Жду, когда же ты признаешься, что у тебя ничего нет, что ничего не получается. Что ты просто пустышка!

— А ты все «расследование готовится и скоро появится в моем блоге», — передразнил меня Ворчун, словно я не писал эти слова, а произносил их картавым языком. — Тыфу на тебя! Даже честно признаться и то не можешь!

— Но вы ненормальные, а я-то нормальный! У меня хорошая, стабильная работа. Жена. На четвертом месяце, между прочим. Что я здесь делаю?! — он махнул рукой, словно хотел отмахнуться от наших возражений. — Все! Я ухожу!

Ворчун развернулся и пошел вниз. Мы ошарашенно смотрели ему вслед.

«Сильно изменился Ворчун, — подумал я. — Вон какую речь толкнул».

А еще я боялся, что он по дороге всполюшит охранников, и все закончится, как и в прошлый раз: милицией и протоколами.

Тайка села на один из валявшихся рядом мешков то ли с керамзитом, то ли с утеплителем. Я посмотрел на нее. Ее глаза блестели.

«Слезы, что ли? — подумал я. — Ну да, каждый переживает за свое».

Я опустился на мешок рядом с ней. Тайка неожиданно прижалась ко мне. Я потянулся, обнял ее одной рукой и посмотрел ей в лицо. В темноте, подпитываясь неярким светом наших фонарей, блестели не только ее глаза, но и губы, словно она только что их облизнула.

— Ты был прав, — сказала она. — Митьки больше нет.

А через некоторое время добавила:

— Если хочешь, потом можем зайти к тебе.

Мое сердце заколотилось, я поставил свой фонарь на бетонный пол, чтобы освободить руку и получше обнять девушку.

Но вдруг я что-то заметил на стене напротив. Что-то похожее на надпись.

Я снова взял в руку фонарь. Что-то похожее на надпись исчезло.

Снова поставил фонарь на пол. Надпись появилась.

— Что? — зашептала Тайка. — Ты что-то увидел?

Я встал, подошел к подозрительной стене и осмотрел ее. Плохо положенная штукатурка. Слишком крупные частицы песка в растворе сделали поверхность стены неровной. Свет фонаря, поднятого на разный уровень, по-разному отражался от этих шероховатостей. Я видел уже такое. Разбирая стол отца после его смерти, я нашел в нем старый детский значок. Если смотреть на него прямо, то был виден смеющийся заяц. Стоило его повернуть чуть вбок, как на значке появлялась другая картинка — злой и раздосадованный волк.

Я стал на колени у стены. Разбросанный по полу керамзит больно врезался в колени. Сзади я слышал возбужденное дыхание Тайки.

Поставил фонарь на пол и прочел надпись. «Здесь». И больше ничего. Я протянул руку, чтобы потрогать надпись, но моя рука неожиданно провалилась сквозь стену. За спиной охнула, а потом выругалась Тайка. Была бы моя поза менее устойчивой, то я бы весь провалился вслед за рукой.

Я отдернул руку. На месте провала колыхалось небольшое темное пятно, причем его цвет неумовимо отличался от темноты вокруг.

«Другой мир, другой цвет», — пришло мне в голову.

Я снова вытянул руку, и она снова провалилась в стену, словно это была не бетонная стена, державшая на себе следующий, верхний этаж, а облако, мягкое и податливое.

На этот раз я держал руку в стене-облаке дольше, а когда вернул ее обратно, то в мерцающем пятне другого мира появилось яркое пятнышко.

«И солнечный луч, — подумал я. — Или это мне показалось?»

— Давай я, — шепнула Тайка. — Если ты боишься.

— Я первый, — сказал я.

Я встал с коленей и, стараясь ни о чем не думать, шагнул вперед.

Это было опрометчиво. В глаза ударил яркий свет. Под ногами оказалась ступенька вниз, а еще сзади меня подтолкнула вперед следующая за мной Тайка. Я не удержался на ногах и полетел вниз, а навстречу мне прыгнул непонятный рыжий зверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.